

КРИСТИНА
КОРАШ

ЖЕНА НАВИ

ИЛИ

ПРИЖМЕМСЯ, ПЕРЕЗИМЕМ

Кристина Юраш

**Жена Нави, или
прижмемся, перезимуем!**

«Литнет»

Юраш К. Ю.

Жена Нави, или прижмемся, перезимуем! / К. Ю. Юраш —
«Литнет»,

Наши предки никогда не ходили в зимние леса, зная, что там царствует Он. Ему приносили дары и боялись настолько, что готовы были отдать дочерей. Лишь бы он смилостивился и не насылал Метелицу и Бурана, белоснежную волчицу и огромного медведя. Но в этот раз что-то пошло не так. И вместо обещанной снегурочки под лед провалилась лиса из поисково-спасательного отряда Лиза Алерт. Вот так, разыскивая любителя зимней рыбалки Семена Семеновича Носок, я нашла Карачуна. Теперь я ему все выскажу, попытаюсь объяснить, какое это счастье услышать после трех дней поиска в зимнем лесу заветные слова: «Найден! Жив!».

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Куда уходят умирать носки	10
Глава вторая. Мимимишки!	14
Глава третья. Тепло ли тебе девица?	18
Глава четвертая. А теперь все дружно позовем снегурочку!	22
Глава пятая. Двенадцать месячных!	26
Глава шестая. Оперуполномоченная мачеха	30
Глава седьмая. Бухабрь	34
Глава восьмая. Снегурочка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жена Нави, или прижмемся, перезимуем!

Автор: Кристина Юраш

Пролог

– Барыня тонет! – визжала дворовая девка, мечась по тонкому льду в красном сарафане, словно огонек. – Барыня тонет!

В глазах купеческой дочери стоял ужас.

Ее расписные сани медленно уходили под треснувший лед озера. Они проседали, неумолимо погружаясь в прозрачную ледяную воду.

На крик сбегались неповоротливые в своих шубах рыбаки, побросав снасти и замёрзшую рыбу.

Они с недоумением смотрели на дорогие сани и рвущегося коня, уже охрипшего от ужаса. Но подойти ближе рыбаки боялись. Затащит под лед, и поминай, как звали!

– Да кто ж тебя на лед понес! – кричали рыбаки заиндевелому конюху в овечьем тулупе. На его бороде и бровях был иней. Дыхание вырывалось паром, когда он отстегивал коня.

– Вот остолоп! Лед еще не окреп! А ты коня погнал, дурья твоя голова!

– Что там? – спрашивали только – только подбежавшие рыбаки с другого берега. Ближе они не подошли. Боязно! Никто не отваживался выйти на середину озера.

Кто-то из рыбаков признал и сани, и девку в роскошных мехах, которую придавило сундуком.

– Купеческая дочка на свадьбу ехала! Да как на озеро выехали, так лед под санями и не выдержал приданого! – кричали рыбаки друг другу. – Теперь тонет! С санями вместе!

– А енто кто мечется? – переглядывались рыбаки, глядя на красный сарафан и куцую козлиную душегрею.

– Так-то ее девка дворовая. Марыська! – приглядывались зеваки. – А кто хоть просватал – то?

– А нам почем знать! Мы в купцовые дела не лезем! – галдели рыбаки. – Наше дело малое! Смотрите! Смотрите!

Лед расходился трещинами. Полозья уже были почти на половину в воде.

– Барыня, барыня! Давайте руку! – причитала Марыська, размешивая снежную кашу ногами. – Вылезайте! Кто-нибудь! Помогите! Барыня тонет! Барыня тонет!

Под ее ногами расплзалась огромная трещина, тут же наполняясь ледяной водой.

– Не могу, – шептала невеста, судорожно цепляясь руками за Марыську. – Шуба намокла и не пускает! Встать не могу! Тяжко... Еще и сундуком придавило!

– Брось ее, дуреха! Сейчас с ней вместе под лед провалишься! – крикнул кто-то из рыбаков. – Бросай, барыню! Сани-то вот-вот потонут!

– Ну, помогите, чего встали! – визжала дворовая девка, пытаясь вытащить укутанную в дорогие меха невесту. Лед под ногами хрустел, а она сама чуть не оказалась в хрустальной ледяной воде.

– А нам че? Жить надоело? У самих семеро по лавкам сидят! Кто их кормить будет? – переглянулись рыбаки, забывая про свой улов. – Гляди! Гляди! Шубы ее соболями намокли, вот и выбраться не может! Отец-то вон как нарядил!

– Ты-то что! – взвизгнула Марыська на конюха. Лед страшно хрустел. Подол ее сарафана намок от воды и уже покрылся инеем. – Барыню спасти надобно!

– Да я ведь ... Да я... – лепетал конюх. Его борода была белой-белой от инея, а он огромными рукавицами пытался поймать поводья перепуганного коня.

– Барин дочку вон как любит! Кто спасет, тому золота не пожалеет! – закричала в отчаянии Марыська рыбакам.

– Знаем мы купца – того. Обманщик и плут! Еще за копейку удавится! – крикнули в ответ рыбаки. – Никто помирать задарма не хочет!

Как только конь получил свободу, он забил копытами, кроша остатки льда.

Сани резко просели назад.

Обе девушки пронзительно закричали.

Так, что в красном сарафане отчаянно тянула вторую за рукав роскошной шубы.

Кованые сундуки стали соскальзывать в воду, разбивая лед и наклоня сани еще сильнее. Сами сани, груженные всяким добром, скатывались назад, медленно увлекая невесту в ледяную бездну.

– Марыська! Ты-то куда лезешь! Потонешь ведь! – басом крикнул один рыбак. – Жаль девку-то! Эта ж ее за собой утащит! Гляди, как цепляется! Брось ее, Марыська!

Сани съехали вниз, накрываясь и зачерпывая воду. Марыська завизжала, хватая барыню за руку и надрываясь изо всех сил.

– Пропали девки! Обе! – выдохнул паром маленький старичок – рыбак, отогревая замерзшие руки.

Сани уже утонули почти до половины.

– Не пускай меня, Марысечка... – дрожащим голосом шептала невеста, пытаюсь выбраться из мокрой тяжелой шубы. – Не пускай... Молю...

– Не отпущу, барыня... Не отпущу... Только шубы снимайте! Не бойтесь! Батюшка новые справит! – спешно кричала Марыська, изо всех сил сжимая дрожащую бледную руку с дорогими перстнями. – Я держу, а вы сымайте!

– Не выходит, Марысечка...

– Ну и кутали – укутали! Пропади пропадом шуба соболя! И сундуки окаянные! – задыхалась Марыська, пытаюсь вытянуть барыню за руку. В тишине было слышно, как слетают с рук барыни золотые перстни и звенят о лед.

– Сундук шубу держит! Сдвинуться не могу... – выдохнула перепуганная бледная невеста, пытаюсь содрать с себя налитые ледяной водой меха.

– Давайте помогу! – задыхалась паром Марыська, как вдруг...

Послышался страшный хруст.

Рыбаки бросились бежать к берегу.

Перепуганная Марыська внезапно отпустила руку и опрокинулась на спину.

Огромные сани стремительно исчезали под водой. Последнее, что она видела, как мелькнула перед ее глазами протянутая рука с перстнями и перепуганные синие глаза. А потом словно лезвия сверкнули полозья.

– Барыня! – пропищала Марыська, закрывая лицо руками, когда сани исчезли в темной воде.

Лед почти сомкнулся, словно не было ни саней, ни красавицы – невесты, ни богатых сундуков, ломившихся от всякого скарба.

– Ой, батюшки! – закричали рыбаки. – Потонула! И все добро с ней! Водяному достанется! Еще одной утопленницей больше станет...

– Какому водяному? – сплюнул старик. – Спит он! Карачуну ее везли! К елке бы привязали, да в лесу оставили! Слышал я в корчме, как приказчик купца рассказывал спяну! Дескать, купец просил разместить дороги, чтобы торговать сподручней было!

– А девку зачем брали? Тоже ентому Карачуну? – спросил парень молодой, все еще не сводя глаз с алого сарафана.

– А это хитрость такая! Чтобы барыня ничего не смекнула! Девку-то грохнули бы под деревцем. А тут эвонна – как!

Молодой рыбак пробрался по льду и ловко ухватил Марыську за косу, оттаскивая по чавкающему водой снегу от огромной расплывающейся полыньи.

– Пусти! – визжала Марыська, вырываясь. – Пусти, окаянный! Пусти, заклинаю!

В темной воде все было наполнено гулом. Сани опускались на дно. Из них вываливались и раскрывались сундуки, рассыпаясь серебром и золотом.

Купеческая дочь опускалась вместе с ними.

В мутной воде, словно что-то затаилось, и ждало, когда последний воздух выйдет из хрупкого тела. Сквозь гул растревоженной воды прорывались воспоминания.

«Послушай, девонька моя... Выдает тебя отец замуж. Да что-то тяжело мне на сердце... Ни сватов не видала, ни имен не слыхала... Не к добру это... Возьми этот оберег... Помнишь, слова, которым я тебя учила?», – вспомнился ей тихий скрипучий голос нянюшки, наряжающей ее перед свадьбой.

«Помню, нянюшка», – шептала она тогда, с грустью глядя на кокошник, расшитый жемчугами и на отражение старенькой нянюшки в зеркале. Нянька опустила глаза и что-то прочитала себе под нос: «Не к добру!».

«Так, коли беда какая, ты оберег в руке сожми да слова заветные скажи! Хоть шепотом, хоть губами одними! Не бойсь, кому надо, те услышат!», – тихонько поучала няня, переплетая ей косы.

Дворовые суетились и бегали туда-сюда, складывая сундуки с тканями заморскими, самоцветами и серебром на разукрашенные сани. Небо было ярко голубым, и все вокруг сверкало от свежеевыпавшего снегом. Лишь на горизонте возле заснеженного леса виднелась малиновая дуга раннего заката.

Отец хмуро поглядывал на дочь и раздавал указания дворовым. Это туда, это сюда! Еще несите! Маловато будет!

– Ой, да и что, что сватов не было! Главное, чтобы жених красивым и ласковым был! А коли обижать будет, так скажите, что батюшке нажалуйста! А батюшка у вас, как осерчает – всем достается! Мне вон в тот раз тоже плетей всыпали ни за что! – вспомнился смешливый голос Марыськи. – Под руку горячую попалась!

– Тяжко мне на сердце, Марыська, – вспомнился ее собственный голос. Она сидела разодетая в соболью шубу, чувствуя, как страшное предчувствие пробирает ее, словно мороз.

Она ехала в санях, нахохлившись дорогими мехами, и сверкала на морозном солнце самоцветами. Ее ноги были прикрыты медвежьей шкурой. На коленях она держала ларец с золотом.

– Барыня, вам что? Сон дурной приснился? – всплыл в памяти удивленный голос Марыськи. Ей по такому случаю красный сарафан пошили и новую душегрейку жаловали.

– Да бросьте вы, барыня! Пустое это! Вот моей матушке перед свадьбой тоже много чего снилось! И как бисьяки ее за волосы таскали! Но ничего, год назад померла только!

– Как будто случиться что-то должно, – вспомнилось ей, как снег поросил шкуру, а холодные снежинки обжигали лицо. – Ой, чую беду я, Марысь. Сердцем чую... Да откуда придет, не ведаю...

– А я не беду! Я мороз чую! Ой, замерзла я! – вспомнилась Марыся, которая всю дорогу глядела с завистью на дорогие меха. – Вам –то, небось, тепло! Вон как батюшка расстарались! В соболях, небось, никакой мороз не страшен!

– Что-то страшно мне, – она словно не слышала, что ей говорят. Ее глаза смотрели в бесконечный коридор снежинок. – Что-то случится, Марысь....

– Да кому суждено сгореть – не потонет! А у меня свой оберег есть! Батюшка его на ярмарке на пуд соли выменял! Никакой нечистый меня не возьмет! Ни Леший, ни Водяной, ни Карачун! Так батюшке и сказали! Иначе бы он пуд соли не отдал бы! – вспомнилось, как утешала бойкая Марыська, вертя в руках какую-то деревянную фигурку. – Перед свадьбой это

всегда так! Во всем приметы плохие чудятся! Вот, когда моя бабка замуж выходила, так на свадьбе платок обронила. Жених платок поднял и вскорости помер!

– Как на погибель еду, – вспомнился ей собственный шепот. На ее ресницах застыли снежинки так, что веки сонно потяжелели. «Но!», – прикрикнул конюх, выезжая на замерзшее озеро.

– Барыня! Барыня! – вспомнился испуганный голос Марыси. Девка вертелась на месте и трясла ее за рукав шубы. – Кажись лед... Барыня! Лед! Слыхали? Лед!

– Крак! Крак! – слышался хруст льда под полозьями.

– Гони! – внезапно с ужасом крикнула она конюху, едва не выронив ларец с приданным. – Гони, Матвей! Гони! Гони, родненький!

– Барыня! Барыня! Лед! – кричала Марыся, глядя на нее страшными глазами. Она вцепилась в ее руку, пока сани неслись по тонкому льду. – Лед под санями треснул! Барыня! Потонем ведь! Барыня!

Лошадь встала на дыбы и с грохотом опустилась на лед. «Куды! Ну тебя!», – кричал конюх, размахивая хлыстом.

Лед растрескивался, покачивая сани. Марыська завизжала так, что, казалось, ее услышали на том берегу.

Это последнее, что она помнила.

– Слова заветные, – промелькнуло в голове. Она что есть силы сжала в руке оберег няни. Замерзшие губы шевелились, пока над головой угасал последний свет.

Отступи беда – кручинушка,

Пощади мою судьбинушку

От жениха лютого,

В меха укутанного,

От сердца ледяного,

От слова злого...

Не стели нам вьюга метель

Покрывало – постель...

Мой наряд не заметай

Инеем не украшай...

Не целуй меня ветром в уста жаркие,

Не мани дорогими подарками...

Я не стану твой на постели снежной...

А вернусь к своей матушке безутешной...

Пусть кто угодно за меня сгинет,

Пусть чьи угодно уста под тобою стыннут...

Ветры буйные летите...

Кого – угодно разыщите...

Пусть она вместо меня будет...

Пусть ее стужа любит...

Обойди мой шепот всю землю и все времена...

Найди ту, кто вместо меня к тебе прийти должна...

Как будто сама вода содрогалась от каждого слова. Как будто сам лед дрогнул и загудел...

Откуда-то там, наверху поднялся ветер, а с ним и метель.

– Ой, барин осерчает, – выл конюх. – Не довез девку! Кто знает, может так лучше! Грех на душу брать не стал! Прибрал бы ее Карачун, и дело бы с концом! А теперича, что я барину скажу? Он же с меня три шкуры спустит!

– Чуете! – затаилась Марыська. – Чуете, словно голос барыни в метели завывает! Не пойму, че говорит?

Рыбаки божились, что в метели шепот слышали: «всю землю, и все времена... Ту, кто вместо меня Должна...».

– Мне одному чудится, что метелица по-бабьи завывает? – спросил молодой рыбак, прислушиваясь.

И тут Марыська рванула к проруби, вырывав косу из рук парня.

– Стой, куда ты! – кричали ей вслед. Но девушка бежала по тонкому льду к огромной полынье.

– Жива, живехонька! Помогите! Люди добрые! – кричала она. И тут показалась рука, которая цеплялась за лед. – Помогите! Заклинаю! Сама не осилю!

Что есть силы рванув руку вверх, Марыська вытащила замерзшую девушку и протащила по льду.

– Ой, батюшки! – выдохнула девка, как вдруг лед под ее ногами провалился. И она с головой ушла под воду.

Ветер поднимался над домами и покосившимися избами, над золотыми куполами, над крепкими стенами. Он уносил этот заговор подальше от огромной полыни. Ветер пролетал города и села, пронизывая их насквозь... Он шуршал в заиндевевших деревьях, звенел сверкающими сосульками, поднимал поземку, гудел в трубах...

«Та, кто вместо меня... ».

Он обдувал каждую, кого встречал на своем пути... Он искал ту, которой суждено или растопить ледяное сердце или сгнать в ледяных чертогах.

И наконец-то нашел ее...

Глава первая. Куда уходят умирать носки

«Ой, у меня есть подкурить! Специально с собой в лес беру зажигалку!», – дрожащая рука с носилок протянула зажигалку к сигарете волонтера. Тащим по буеракам. Искали три дня. Ни отблеска, ни огонька, ни костра, ничего. Думали уже все!

*101 повод бросить курить от волонтеров,
разыскивающих пропавших людей*

– Ежик! – гнусаво орала я, пробираясь по сугробам. Колючие ветки драли куртку. – Ежик! Ежик! Тебе что? Ответить сложно! Ежик! Это Лиса Один. Кажись, Носок нашелся! Его следы ведут к озеру!

Со стороны это было похоже на бред сумасшедшего в зимнем лесу. Особенно, когда ноги по самое колено погружаются в сугроб.

– Лиса один! Лиса один! Прием! Белка, ты? – внезапно зашуршала рация. – Белка, прием! У нас тут Еремина и Шепелев! Шепелева видели в лесу с вертолета! Он убежал от вертолета! Третий раз!

– Дедушка видел в лесу НЛО! – выдохнула я, зорко осматриваясь по сторонам. – НЛО видело в лесу дедушку и передало по рации...

– Что с Носком? – прошелестела рация. – Ты-то сама как? Сейчас ребята еще подъедут. Звонили. Ты хоть отдохнешь!

Что с Носком! Три человека нас осталось! Остальные дернули на работу! И двое местных! Вот что с Носком! Третий день ищем! Позавчера нам решили помочь МЧС. Они катались с сиреной вокруг леса. «Иди на звук!», – как бы намекали они, только усугубляя ситуацию. Они прокатились, потом уехали тушить пожары, оставив нас наедине с окончательно заблудившимся потеряшкой.

Обычный человек знает. Мох растет с севера, с юга ветки пушистей, солнце садиться на запад. Зато как приятно замерзнуть в глухом лесу, зная, что ты не прогуливал уроки по ориентированию на местности!

– Свежие следы у меня! Отправляю координаты! – рывкнуло в приемник мое простывшее горло. – Немирову нашли?

– Пока ищем! Телефон разрядился у нее! Высылаю группу по твоим координатам! Следы точно свежие? Елка уже передает информацию!

Если вы потерялись в лесу, ваша главная задача первым делом – посадить телефон! Так считают почти все, кого мы ищем.

Первым делом нужно позвонить родным и сорок минут с рыданиями и истериками рассказывать про то, что вы заблудились, вам холодно и страшно, а вокруг темным-темно. Если вам вдруг начнут задавать вопросы, то нужно твердить, что вам темно и страшно. И ни в коем случае не прояснять ситуацию, что есть с собой, что по самочувствию и есть ли какие-то особые приметы местности!

В довершении, если ловит связь можно запилить пост, ответить друзьям на сообщения и позвонить начальству, тете из Саратова, дяде из Тамбова, чтобы не волновались и спасали побыстрее!

Если связь не ловит, то вы можете скоротать время за игрой три в ряд. Очень полезное занятие в лесу. Но лучше всего поснимать свои приключения на камеру! Нам будет очень интересно посмотреть, что вы делали перед тем, как утонуть в болоте, до встречи с медведем или перед тем, как замерзнуть под кустиком, наевшись неизвестных грибов и ягод.

И когда телефон разрядится окончательно, единственное, что вы сможете сделать с телефоном – кинуть им в медведя!

Потом стемнеет, вас будут искать с вертолета по отблеску телефона, но им уже урчит разбуженный вами медведь.

– Я тебя понял! Жди! – прошуршала рация.

Я ломала кусты, продвигаясь дальше. Проклятый мороз! У, как я его ненавижу! Сколько раз мы опаздывали и доставали замерзшее тело? У меня с ним свои счеты. Трое! Причем, двое из них дети!

– Из вкусенького! Местные говорят, что у тебя там медведь. И его видели недавно! Чтобы тебе было не так грустно и одиноко! У тебя фаеры есть?

– Д-д-да, один, – выдохнула я, осматриваясь по сторонам. – Где конкретно медведь?

– Егерь сказал: «Да хрен его знает! Он за ним лично не бегаешь!», – прошуршала рация.

Твою мать! Я чуть за сердце не схватилась. Медведь может быть где угодно. Д-д-даже за спиной!

Я резко обернулась. Но увидела только мохнатые заснеженные лапы ели! Фух!

По следам человека в зимнем лесу можно прочесть многое. Не только размер обуви, направление, куда двигался, бежал или шел. Но и водятся здесь медведи или нет. Как у нас шутят, если коричневенькие с желтеньким, то где-то поблизости может быть медведь, страдающий бессонницей!

– Хоть бы живой, – простонала я, сплевывая снег. – Хоть бы живой! Плохо, что озеро! Да что ж такое! Манит оно что ли! Почему-у-у! Так! Без паники! Без паники!

Почему, если в огромном-огромном лесу есть малюсенькое озерцо, то искать, прежде всего, нужно там? И неважно, взрослый или ребенок! «Потеряшки» безошибочно, каким-то задним чутьем находят эту несчастную лужу и начинают всячески в ней топиться! Иногда, даже успешно!

На меня с веток посыпался снег, попадая за шиворот. Я спешила вниз, к озеру, видя, что свежие следы начинают петлять.

«Пытается запутать след! Уходит от погони злых полицаев!», – промелькнуло в голове, когда я хрустела ветками.

Если человек теряется, то в нем тут же просыпается партизан! Он решает идти куда-нибудь. В надежде, что куда-нибудь да выйдет. А потом, почувствовав усталость – залезть под кустом, или спрятаться в овраге, чтобы слиться с окружающей средой по – максимуму и тихо постанывать в ответ на крики.

Открытая местность? Вы о чем? Нет, чтобы остаться на поляне, чтобы тебя могли увидеть с вертолета! Нет! Только чаща, только валежник, только хардкор!

Отличники обязательно вспомнят, что под снегом теплее. И зароятся в снег. Вот только не учтут, что нифига там не теплее, и снег может покрыться коркой. А ты превратишься в подснежник, который однажды соберет опергруппа и подарит красивой девочке – патолого-анатому.

Чуть погода почти в каждом просыпается юный натуралист – дегустатор. А в голове натошак мелькают картинки из старых учебников «съедобные грибы и ягоды». Но мелькают они так быстро, что ты не успеваешь рассмотреть и тащишь в рот все, что выглядит симпатичней медвежьей кашки.

– Лиса один! Так, сброшенной одежды я не вижу... – прошептала я, прорываясь сквозь снег. – Это хорошо! Иду по следу! Прием!

Пробыв на морозе, многие начинают внезапно раздеваться. Им вдруг становится жарко! Эдакий стриптиз под елочкой! Они сбрасывают с себя куртку, обувь, шапки, варежки. Так что если видишь следы стриптиза, то можно уже не торопиться! Где-то в радиусе трехсот мет-

ров лежит голое тело, не подающее ни признаков стыда, ни признаков совести, ни признаков жизни. Увы.

Семен Семенович Носок – был нашим постоянным клиентом. Это деятельный мужчина пенсионного возраста с детства умел разнообразить свою жизнь.

Раньше его разыскивали всем селом. Потом к розыскам подключилось районное отделение. Чуть позже, когда образовалась наша волонтерская организация, его стали искать мы. Зато село и районно отделение вздохнули с облегчением.

Как только сходил снег, Семен Семенович уходил на рыбалку. С концами! На третий день его супруга начинала поиски его концов. И всегда подозревала худшее. Благо, он всегда говорил жене, знающий наш телефон наизусть, куда идет!

Мы были очень рады этой информации! Потому что уже точно знали, что там его искать НЕ НАДО! Его там просто нет! Он будет где угодно, но не ТАМ!

И уже через дня три, мы отлавливали Семена Семеновича, трясущегося возле дерева в ста двадцати километрах от предполагаемого места пропажи. Пока мы проверяем пульс, давление, заворачиваем его в одеяла или кладем на носилки, он клянется и божится, что будет сидеть дома. Пока мы тащим его через буераки, Семен Семенович обещает, что впредь будет разгадывать кроссворды, вязать носочки и смотреть «Минутка суда» вместе с супругой.

Но приходят майские праздники.

И меня отдирает от бойфренда внезапный звонок посреди ночи: «Носок. Опять!».

Вот мы прочесываем лес, в двадцати километрах от того леса, откуда вернулись его друзья со словами: «Глянули, а он только что был здесь!».

Мы находим Семен Семеновича под кустом в шестидесяти километрах от шашлыка. И на обратном пути он честно обещает научиться читать газеты, гладить кота и высиживать очереди в поликлинику.

Потом приходит лето. Меня выдергивают из парикмахерской. И мы уже шуршим всеми кустами в поисках заядлого охотника, решившего получить достойную прибавку к пенсии в виде срока за браконьерство.

Местная аптека знает его супругу в лицо. И достает успокоительные, стоит только увидеть ее на пороге.

На обратном пути Семен Семенович рассказывает про то, что научится играть в домино во дворе, ковыряться в своей ржавой копейке и смотреть сериал «Слепая».

На осень мы уже планов никаких не строим.

Где-то достает свой осенний камуфляж заядлый грибник, Семен Семенович. И выходит на тропу войны с ножом в руках и огромным желто-серо-зеленым ведром для сбора скальпов... ой, то есть, шляпок, убитых врагов.

Зачем грибникам камуфляж мы еще не выяснили. Наверное, чтобы не распугать шустрые грибы! Видимо, есть определенный кайф в том, что бесшумно подкрасться к часовому грибу и вырезать его ловким ударом ножа, пока другие грибы этого не заметили и не разбежались.

Но вот мы вытаскиваем из оврага чудом живого обладателя премии «Тур Нихеейрдалтымужик» и тащим на носилках навстречу цивилизации. По пути нам честно обещают, что будут ругаться с соседями, смотреть всякие политические передачи и разгадывать врачебный почерк.

Но мы уже не верим!

И вот наступила зима! И заядлый рыбак достал белый камуфляж для зимней рыбалки, с утра взял удочки и бур. Мне кажется, что именно в этот момент, когда Носок закрывал дверь со словами: «Я скоро вернусь», у меня пролился кофе на клавиатуру ноутбука.

– Семен Семенович! – хрипло крикнула я, выходя на берег замерзшего озера. Стоило только поставить ногу на лед, как стало понятно! Лед еще не схватился!

– Ой, мамочки! Терпеть не могу лед! – простонала я, как вдруг увидела, следы и фигуру. Он сидел, как мамонтенок на льдине, боясь пошевелиться. Неподалеку валялись снасти и стоял бидон.

– Твою мать! – заорала я, скидывая рюкзак с одеялами и термосом. Осторожно, ступив на лед, я поняла, потепления не ждал никто!

«Держись, мамонтенок! Мама уже идет!», – мысленно кричала я, слыша хруст под ногой.

В тот момент, когда я ступила на лед, он треснул. Меня почему-то охватил панический страх! Я до ужаса боюсь льда!

– Ладно, вызываю помощь! – выдохнула я, пытаюсь расчехлить рацию.

Как вдруг меня заметили.

– Стой на месте! – крикнула я, бросая рацию. – Помощь сейчас придет!

Мамонтенок решил, что в качестве мамы я не гожусь. Похватав свой скарб, Семен Семенович Носок стал пытаться дать деру. Видимо, от меня уже сочились рассерженные флюиды. А дома его ждала Зинаида Викторовна, в прошлый раз ненароком поинтересовалась, сколько дают за убийство супруга. И учитывается ли возраст преступницы при вынесении приговора. «А то силов уже никаких нету!».

И тут лед под рыбаком треснул. Он очутился в ледяной воде.

– Все, завязываю, – простонала я, ложась на лед и ползя в сторону полыньи...

– Это был последний раз! Обещаю! Буду сидеть дома, смотреть сериал, пить чай и ... и... – по –пластунски ползла я, обдирая себе колени и руки.

Глава вторая. Мимимишки!

*О, боже, какой мужчина! Быстро снимай штаны!
А еще я хочу от тебя шубу, куртку, варежки и сапоги!
Очень замерзшая девушка*

Я схватила мокрую и холодную руку, таща ее к себе. Лед трескался и обламывался несколько раз, перед тем как мне удалось втащить рыбака на льдину.

– Снасти, снасти! – орал Мамонтенок, пытаюсь встать, пока я тащила его волоком на берег. – Они же денег стоят! И рыба там же!

Я дышала, как паровоз, с трудом таща за собой озябшее тело на берег.

– Есть! – выдохнула я, лежа на снегу и глядя в небо, подернутое первым сумраком вечера. Успели до вечера! Повезло!

– Уф... – простонала я, шипя рации. – Стоп поиск! Найден! Жив! Лиса один! Повторяю! Стоп поиск! Найден. Жив!

– Ура! Лиса нашла хвост! Ура! – радовались на том конце рации, пока я укутывала продрогшее тело пенсионера одеялами и наливала сладкий теплый чай. – Состояние?

– Среднее! Переохлаждение, был в холодной воде, в сознании, стоит на своих ножках, – устало отрапортовала я. – Грею до прибытия! Боюсь, сама не выведу!

– Стоп поиск по Носку! – слышался шелест рации. – Перебросишься на Шепелева? Народу катастрофически не хватает! У меня всего пятеро! Плюс трое местных!

– Пить, – шептали посиневшие губы. – Пить...

– Сейчас дам, – выдыхала я, вкладывая в трясущиеся руки дымящуюся крышку от термоса.

– Пить! Пить... – стонал Носок, глядя на меня преданным и очень знакомым взглядом: «Я обещаю, я так больше не бубу!».

И тут я замерла.

Мне показалось, или я услышала женский голос в легкой поэмке.

«Та, кто вместо меня...»...

Ничего себе, что почудилось!

– Семен Семенович! – ласково возмутилась я. – Вот как вам не стыдно! Какого вы опять поперлись в лес! Что ж вам дома –то не сидится!

– Ч-ч-что ж ты злишься, доч-ч-чка, – послышался разнесчастный голос. Вроде отогревается. Нужно проверить, сможет идти или нет.

– А что мне не злиться? – сделала я глубокий вдох. – Вместо того, чтобы сидеть дома, как все нормальные люди, пить чай, смотреть хахашки, я прочесываю лес вместе с ребятами! Да у меня из-за вас мужики не задерживаются! Чуть что по звонку куда? Правильно! В лес! Слышите, что у меня с голосом! Да у меня хулиганы какают и писяют в подъезде, когда я отвечаю им, который час! Кхе!

– Да ты не р-р-руг-г-гайся, доч-ч-чечка! Ты только посмот-т-три, как т-т-тут к-к-красиво! К-к-красотища ведь! – вздохнул Носок, требуя еще чая.

– И медведи! – резковато ответила я, уже планируя следующий поиск. Так, отогреюсь и приду в себя. На работу мне только послезавтра. Еще один поиск потяну!

Раньше я часто брала больничные. И меняла работы. А однажды, уже на этой работе, меня в очередной раз позвали в кабинет к начальству. Я готовилась услышать, что меня уволили. Но директор просто подошел и пожал руку. «Что ж ты не сказала!». И показал наше фото на телефоне вокруг спасенной бабушки. «Если вам там че надо, говори... У меня мать так нашли три года назад! Пошла в кооперативе мусор вынести!».

– Кто вам разрешил на лед выходить, Семен Семенович! – ласково упрекала я. – Он же тонкий!

– Хочешь конф-ф-фетку... Вкусная! – протянули мне маленькую шоколадку на озябшей ладони.

– Нет, спасибо, – строго произнесла я, терпеливо ожидая подкрепления.

Я стояла возле маленькой замершей лужи. Плохо, что ребята из моей Лисы уехали. Им на работу сегодня. Так бы мы его быстро дотащили.

– Кто возомнил себя сборной органов по фигурному катанию с посмертной медалью? – беззлобно возмущалась я, чувствуя дикую усталость. Она вдруг навалилась на меня со всей силой. Так всегда бывает, когда один поиск окончен.

На меня смотрели самым разнесчастным взглядом: «Так я ж... Так это... Жене только не говорите!».

– Ребята уже на подходе! – послышалось шипение в рации. – Разговаривай с ним! Чтоб не уснул! Держитесь, помощь уже видит следы! Скорая ждет на дороге!

– Это что за ледовое побоище моих нервов? – устало зевнула я, тряся головой. Главное – не спать! – Вы же должны понимать, что сейчас потепление! И лед хрупкий! Перед тем, как выходить на лед, нужно проверить его!

– Это все Карачун! – вздохнул Семен Семенович. – Это он лед хрупким сделал! Знаешь, девонька, как мороза раньше звали? Ну того, которого на утренниках зовут?

«Говори с ним! Смотри, чтобы не спал! Пофигу о чем!», – мысленно поддерживала себя я.

– А вот и не знаешь! Откуда тебе знать? Его Карачуном раньше звали! И боялись его! А про снегурок слыхала? – рассказывал отогревающийся Семен Семенович, пока я высматривала помощь.

– Мы здесь! – крикнула я на всякий случай.

– Почему их под елочку ставят нарядных? – продолжал Семен Семенович.

– Знаете, я бы этому Карачуну бороду оторвала, и посох в задницу засунула! И провернула бы три раза, – не очень вежливо заявила я. – У меня трое замерзших. Двое из них дети... До сих пор забыть не могу! А лед надо проверить!

Я потопала ногой по маленькой замерзшей луже в пяти метрах от озера.

– Не вот так вот! – выдохнула я, прыгая на лужице двумя ногами.

«Та, кто вместо меня...»... – снова послышалось в ветре, как вдруг лед подо мной хрустнул. И я неожиданно ушла с головой в ледяную воду.

«Снегурочка» – прошептало что-то в моей голове.

Я вынырнула и тут же панически схватилась руками за лед, пытаюсь вытащить себя. Лед хрустел и обламывался. Не помню как, но мне удалось выбраться.

– К-к-какой к-к-кошмар, – выдохнула я, трясаясь от холода. Еще бы! Искупаться в ледяной воде в мороз – это вам не шутки.

Семен Семеновича нигде не было. Исчезли и рюкзак, и одеяла, и рация.

Я решила, немного пройти вперед, чтобы не замерзнуть. Одежда начала твердеть, превращаясь в ледяные доспехи. Но я знала, что снимать ее ни в коем случае нельзя. Иначе смерть. Пусть мокрая, пусть холодная, но все-таки одежда!

На поляне, на пеньке сидел огромный бурый медведь. Его шерсть была припорошена снегом. Вот почему Семена Семеновича нет! Он от медведя спасался!

– Ша-шатун, – ужаснулась я, тут же замирая. – Ме-медведь... ш-ш-шатун...

– Где? – басом произнес медведь, оборачиваясь по сторонам.

Мне показалось, что он разговаривает?

– А, ну да! Я – медведь, – согласился медведь. И вздохнул.

– Ша-ша-шатун, – подсказывала я, охреневая от ужаса.

– Не шатун! Буран! – обиженно прорычал медведь, уставившись на меня.

Степень ужаса просто зашкаливала. Я попыталась найти файер, но он остался в рюкзаке, который, видимо, унес Семен Семенович!

«Прикинься дохлой!», – прострелила мое сознание спасительная мысль. И я упала на снег. Меня толкнули лапой, перекатывая по снегу. Снег набивался в нос и рот.

– Людям нельзя в лес зимой, – катали меня по снегу, как вдруг послышался ехидный женский голос.

– Че? Мышкуешь, Миша?

– Гляди, какая тошная! – раздался рев надо мной. Я мало что видела, кроме снега, облепившего лицо и набивающегося в рот. – Кто ж тебя такую замуж возьмет! Одни кости!

– Видать в деревне совсем есть нечего! – согласился женский голос.

– Женщина! Уб-берите в-в-вашего ме... – пыталась позвать я на помощь храбрую девушку, как вдруг увидела над собой морду волчицы.

– О, гляди, глаза открыла! – переглянулось зверье. – Ты че в лесу забыла, опилка!

– Кто? – прошептала я, сплевывая снег и пытаюсь встать, но меня прижали лапой.

– Эта... Как его... стружка... – напрягся медведь. – Бревно! Хотя нет, бревно толстое...

Слово забыл!

– Щепка, – послышался женский голос. Это говорила волчица. – Щепка, Буранушка. Так люди тощих называют!

– Тебе что, не говорили, что в лес зимой негоже хаживать! – склонилась надо мной огромная медвежья морда. – Неужто мамка уму-разуму не учила? А коли медведь какой задерет? Чем же ты думала, дурья твоя голова! Знаешь, сколько в лесу медведей нынче ходит?

– А коли волки встретятся? – послышался голос волчицы. – Что тады? Как отбиваться будешь? Эх, Буранушка, осерчает хозяин, что ты девку пропустил! Он же велел тебе лес от людей сторожить!

– Да не виноват я, Метелица! Сижу на пеньке, сторожу. Потом смотрю, девка лезет из лужи! Сам перепугался! Думал русалка! Зимой! Русалка! Откуда, спрашиваю, зимой русалки? А потом глянул, не русалка! – добивал меня медведь. – Русалки, они красивые...

Теперь понимаю, почему опасно встречаться с шатуном! Этот начал жрать меня с самооценки.

– Потом думаю, грибочки вчерашние так себе были... Вот и лезет девка... В глазах мерещится... Блазнит... А потом гляжу, не грибы! – рычал медведь, словно оправдываясь. – От грибов такие красавицы мерещатся, а эта... Как его... Опилка!

– Че делать с ней будем? – перебила волчица. Она была сама белая, глазища у нее были разноцветные, как у хаски, а на шкуре блестели снежинки.

– Воспитывай и кати ее из лесу, пока хозяин не видел! А то замерзнет девка! Как к деревне подкатишь, так рявкни что ли! А не как в тот раз. Молча прикатил, молча положил и ушел! – нарычала на него волчица. – Ой, чую Карачун нам устроит тут, если про девку узнает! Это все ты!

– А ты, что, воспитывать не будешь? – прорычал медведь, продолжая катать меня лапами туда-сюда.

– Тоже мне нашли маугли! – рявкнула я, сплевывая снег. Я попыталась пошевелиться, но одежда заледенела.

– А ты молчи, румянься! – проворчал медведь, натирая снегом мое лицо. – А то смотреть на тебя страшно! Бледная, холодная! Не докачу!

И меня действительно ... покатили!

– Ой! – послышался бас, когда я скатилась с холма прямо в сугроб. – Упустил маленько! Так, лежи на месте, сейчас Буранушка спустится и дальше покатит.

Я вскочила на ноги, отплевываясь от снега.

– Как я докатилась до такой жизни? – задыхалась я, пытаюсь поднять ногу, увязшую в сугробе по пояс.

– Ты до жизни еще не докатилась! Жизнь во-о-он там! Где дымки идут! Вот там жизнь! Еще двенадцать верст! – проревел медведь. – Ложись, давай, катить буду! А то не пройдешь! Там снега...

Я сделала шаг и ушла в сугроб по самую макушку.

– Так, где ты тут у нас! Ой, бедный я бедный, – послышался рев, а меня стали откапывать. – Сказано ж тебе! Лежи! Катить буду!

Меня снова положи поверх сугроба и покатали... Медведь толкал меня, а потом сам увязал в сугробе.

– Я... я чувствую себя круглой д-д-д-дурой, – околевала я, ощущая леденящий холод.

– Ты не круглая дура, – порадовал меня медведь. – Была бы круглая, то катить было бы сподручнее! А так нет!

– Буранушка! Буранушка! – послышался голос волчицы. – Ой, не докатишь! Глянь, у нее уже губы синие!

– А куды ее? – удивился медведь. Он задумчиво почесал голову.

– Хозяина что ли позвать? – заметалась волчица по сугробам.

– Нельзя хозяина звать! Тебе-то все равно! А мне меда не дадут! – обиделся Буран. – Мед-то вкусный. Липовый. Эх...

Глава третья. Тепло ли тебе девица?

Потерявшаяся в лесу бабушка трое суток игнорировала звонки спасателей, потому что звонили с незнакомого номер!

– Зато дадут на орехи! – усмехнулась волчица. – Причем нам обоим! И ей в придачу! Мало не покажется!

– Эх! – медведь присмотрелся ко мне.

Я видела его огромный коричневый нос, который обнюхивает меня. И два коричневых глаза, в которых борется жадность и жалость.

– Эх, зови, Метелица! Так и быть! Из-за тебя, девка, без меда останусь! И пусть тебе будет стыдно за то, что Буранушка не доест... – обиженно вздохнул огромный медведь. – Зови! Что уж тут делать!

Сквозь тающий на лице снег, я увидела, что волчица начинает бегать по кругу.

Сначала мне казалось, что это с ее шкуры слетают снежинки. Но вот за ней бегают и вертятся целый сверкающий снежный хвост. Она бежала по сугробу, но так и не провалилась. Ее белая шкура искрилась все сильнее и сильнее.

Снежный хвост становился все длиннее и длиннее. Он поднимался огромным вихрем, цепляя заснеженные деревья и кусты! Увлекая за собой искрящийся снежинки.

Волчица внезапно остановилась и села посреди снежного вихря. Она задрала морду и завывала.

Я уже столько раз слышала этот вой. Так воет метель за окном. Так завывает вьюга.

Тысячи снежинок поднялось вверх и разлетелось по сторонам, окутывая лес пеленой метелицы. Тут же все вокруг начало заметать метелью. Ее вой, словно эхо раздавался отовсюду.

– За метелицей буран идет, – прорычал медведь, кряхтя. – Эх, сейчас Буранушка придет!

Он встал во весь медвежий рост и почему-то не провалился в сугроб. А потом упал на передние лапы, сотрясая снег. От удара весь снег с земли поднялся в воздух, но не осел, а стал кружиться беспросветной снежной мглой. Я никогда не видела такого сильного бурана.

Снега столько, что вокруг все побелело. Ни медведя, ни волчицы не было. Был лишь вой метели и треск кустов и веток. Вокруг была только бело-серая непроглядная холодная пелена.

– Идет! – слышался рев Бурана. – Идет... Прощай мед! Хозяин идет!

Мне показалось, что я слышу треск веток, словно их кто-то ломает. Метелица выла, а потом осеклась. Буран и метель стали стихать. Снежную пелену разрывало на вихри, но и они разлетались сквозь деревья. По заметенным сугробам еще бегала поземка, стирая следы и укрывая лес девственным покрывалом.

– Что стряслось? – слышался голос, от которого зимой ночью медведи спать бояться.

– Вон, поглядите... Девка из ниоткуда появилась! – слышался голос Бурана. По сравнению с голосом Хозяина, медведь мяукал голодным котенком.

– И что? Меня тут на каждого, кто в лес забрел звать будут? – слышался все тот же жуткий голос. Надо мной высился огромный силуэт, от которого веяло... внезапно теплом...

Сначала я думала, что мне показалось, но нет... От силуэта исходило тепло.

– Я посева укрыл! А вам велено за людьми следить! – слышался страшный голос. – Чтoб не шаствовали по лесу!

От такого голоса сразу хочется шастать в другом месте.

– Так следов не было! – оправдывался медведь. – Это не дань! Дань вам уже платили! Я ее давеча из леса выкатил, обратно! Привязали бедную на опушке. Буранушка ее спас!

– Это та, которую ты выкатил в деревню и не порычал? Да? – едко заметила волчица, отряхивая с себя снег. – И которая всю ночь до утра в сугробе возле деревни пролежала?

– Мне кажется, что она померла р-р-раньше, от р-р-разрыва серд-д-дца... – вставила я, чувствуя, что чуть-чуть отогрелась в чужом тепле. Ровно настолько, чтобы неуклюже пошевелиться.

– Я ее выкатил? Выкатил! Она жива была? Жива! А че дальше, мне все равно! Скажи еще в избу постучаться! – снова обиделся Буран. – Дык, я стучался в тот прошлогодний раз. Хозяев дома не было. Как только дверь хозяева открыли, так их сразу же дома не было!

– Девка из-ниоткуда появилась! И одета странно! И пахнет от нее странно! – принялась волчица. – Не местная, сразу видно! И к дереву ее не привязывали...

– Сколько раз я говорил, чтобы девок мне не привязывали! – послышался и очень недовольный страшный голос. – И даже наказал их!

– И че? Помогло? Они тебе заместь одной троих привязали! Думали, что одной тебе уже мало! Так три задобрят! – вздохнула волчица.

– Че-то они о тебе не то думают, хозяин, – заметил Буран, нависая надо мной. – Я пока одну выкатил, остальные сбежали. Она у меня сначала «покатухой» была. Я ее по сугробам катил. Потом «потолкалкой»! Я ее по льду толкал! А как к деревне подошли, так она у меня пота...

– Буран! – возмутилась волчица, глядя с укором на медведя.

– Короче, тащил ее! Ой, ну и одежи на ней было! Еле уволок! Фуф! – медведь словно утер лапой пот. – А тех двоих на обратном пути из деревни встретил. Во визгу было! Их леший отвязал, видать... Он у нас сердобольный! Короче... Бежал я за ними долго... Хотел сказать, что деревня-то в другой стороне, а не туда, куда они припустили с криками: «Медведь!». А потом я из потерял...

Пока они разговаривали, я почувствовала себя котиком, который тянется к батарее. У меня в голове звенела одна мысль – согреться. Кое-как поднявшись на ноги и разрыхляя сугроб, я протянула дрожащий руки к теплу.

– Значит, так, я посева укрыл? Укрыл? Сильно не лютую? Не лютую? До кости не принимаю? Не принимаю? Лед на реке сковал? Сковал! – послышался страшный голос моего тепла. – Не нужны мне их подарки.

– А я не п-п-подарок! – прошептала я, чувствуя рядом тепло. – Я м-м-могарыч!

– Тепло ли тебе девица? – послышался страшный голос. – Тепло ли тебе красная?

– Еще нет, но скоро бу-будет! – простонала я, ныряя к нему под шубу.

О, как же здесь тепло! Мамочки!

Я даже не видела его лица, настолько высоким он был. Зато видела шубу. Вижу шубу, не вижу препятствий.

Вежливость? Ах, о чем вы? Вежливость удел людей, не испытывающих лишений. Вежливость погубила больше людей, чем все войны вместе взятые.

Неумение просить о помощи, нежелание беспокоить «по пустякам», вежливый голос вместо отчаянного крика, неумение перебить внезапно позвонившего собеседника и сказать, что телефон почти сел, а ты в лесу ночью один.

Зачем беспокоить волонтеров и рассказывать им, что все-таки откушал в лесу грибочков? Это как-то невежливо! Люди тебя искали, а ты тут со своей резью в животе и туманом в глазах! Лучше потерпеть!

Так что, когда речь идет о выживании, умоляю, забудьте про вежливость! Вы потом в нее обязательно поиграете, когда будете сытыми, согретыми и в безопасности.

Ой, теплышко! Ой, как теплышко! Ой, мамочки! Я та-а-аю... Я просто таю...

– Это что еще такое!!! – взревел голос надо мной.

– А в-в-вы где живет-т-те? – прошептала я, прижавшись и только-только начиная чувствовать боль в обогреваемых пальцах. – Д-д-давайте я в-в-вас п-п-провожу д-д-до д-д-дома. А то т-т-тут и в-в-волки, и ме-медведи водят-т-т-ся... Ч-ч-чтоб вам не ст-т-трашно б-б-было!

Мне было абсолютно все равно, что я говорю. Лишь бы наконец-то согреться!

Это тоже самое, когда ты дико хочешь в туалет. Самые яркие оргазмы получают в придорожных, случайно попавшихся туалетах пассажиры долгих рейсов, которые мчали восемь часов без остановки на «пи-пи!».

По дороге в туалет с диким желанием люди способны спасти мир, отпнуть медведя, разогнать стаю волков, послать на три буквы олигарха, который вдруг решил познакомиться и убить любого, кто встанет у них на пути.

То же самое и с холодом.

Под шубой было тепло, даже жарко. От кровотока начиналась дикая боль. Я чувствовала, как мысли путаются от тепла, словно в полудреме. Мне на секунду казалось, что я дома, под одеялом. Что было сном? Снег или одеяло? Хотелось, чтобы реальностью было все-таки одеяло!

– Если т-т-ты дедушка старенький, – посмотрела я на седую бороду, все еще дрожа. – Я возьму над т-т-тобой шефство! И буду приходить с двумя п-п-пакетами п-п-продуктов каждую нед-д-делю!

И тут я подняла глаза и застыла.

– А если ты... мужик хоть куда, – очарованно прошептала я, глядя в серые глаза под роскошными суровыми бровями на красивом и грубоватом лице. – Разрешаю, хоть к-к-куда... Так, о чем это я?

Мне это снится... В последний раз я видела такого мужика на картинке с подписью «богатырь».

Вот так всегда! Стоит мужику отдать тебе куртку погреться, как ты уже мысленно приписала ему трех убитых драконов, две взятые крепости и готова воздвигнуть алтарь в его честь. Он резко становится самым красивым в твоих замерзших глазах, приобретает шарм спасителя и ауру «о, боже какой мужчина!».

– А ты кто такая, девица – красавица? Ты как в лес забрела? – послышался насмехающийся голос, пока я охреневала от раздражающей меня боли. Холод медленно выходил, на смену ему приходила боль.

– С-с-семен С-с-семеновича искала, – выдохнула я, прижимаясь покрепче.

– Семеныч? Лешего что ли? – послышался голос Бурана. – А чего его искать? Он с людьми водится! У них живет! В лес редко стал выбираться!

– Вы о к-к-ком? У нас че-человек пропал! Мы его р-р-разыскивали! Из леса вывести х-х-хотели! – стуча зубами, выдала я, преодолевая лютую боль. Все тело начинало дико чесаться.

– П-п-простите, но я п-п-почешусь о вас, – прошептала я, зная, что раздеваться ни в коем случае нельзя. А так хочется! Так хочется просто взять и содрать куртку, шапку и даже штаны и чесаться, чесаться, чесаться!

Я чесалась о богатыря всем телом, переминаясь с одной озябшей ноги на вторую. Иногда даже извинялась. Но не всегда.

– И что ж мне делать с тобой, девица? – снова послышался голос, когда я чесала об него бок.

– С-с-стоять и не ш-ш-шевелиться, – простонала я, чувствуя, как чешется везде!

Тело расслабилось и сосуды стали расширяться. Так восстанавливается кровоток.

– Я спросил, что мне делать с тобой, девица? – послышался голос надо мной, когда я понимала, решив, что снять шапку – это еще не «раздеваться»!

– Не видишь, Хозяин, помирает она... – послышался грустный медвежий голос. – Недолго девке осталось.

– Нельзя мне п-п-помирать! – сжала я в руках чужую колючую одежду. – У меня Носок в лесу! Семен Семеныч! На р-р-рыбалку п-п-пошел! Его ж-ж-жена об-быскалась!

– Я же говорю, помирает, – проревел Буран. – Ну, хозяин, тебе решать! Не нам... Но я бы ее оставил! Потешная девка! Ишь, додумалась, Лешего в лесу спасать! В деревню ее нельзя! Засмеют! Лешего из лесу выводила!

– Ой, не могу! Ты за водяным не ныряла, случаем? А то вон, какая мокрая? Вдруг на берег его тянула? – смеялась волчица. – Из воды спасала!

Все это было похоже на бред. И звери говорящие, и мужик-красавец в шубе...

– П-п-помогите Семена Семеновича найти! А т-т-то его карачун возьмет-т-т! – требовала я, чувствуя, что вот-вот начну снимать с себя одежду. Жар был просто нестерпимый, словно я иду в сорок градусов тепла в меховой шубе.

– Зачем возьмет? – удивилась Метелица.

– Куда возьмет? – удивленно спросил Буран.

– За что возьмет? – удивленный послышался голос Хозяина. – На кой мне Леший?

Я чувствовала, как мои пальцы тянут вниз молнию на мокрой куртке. Мне казалось, что я плавлюсь от жара, как сырок в микроволновке.

– Хозяин, а что она там делает? – послышался бас Бурана. – Раздевается, кажись?

– Это ей хозяин понравился! – вздохнул волчица.

– Понравился, значит? А мужик че тады раздеваться начинают? – послышался озадаченный голос медведя. – Тоже понравился, значит?

– Так что с девкой делать? – перебил Хозяин. – Мне-то она не нужна...

Глава четвертая. А теперь все дружно позовем снегурочку!

Чем дальше в лес, тем толще мишки и вкуснее шишки

– Еще раз спрашиваю. С девицей что делать? – повторил вопрос Хозяин, потому что ответом ему была тишина.

– Помрет вот-вот, жа-а-алко, – слышался вздох волчицы. – А так хоть снегуркой будет... Все ж жизнь какая-никакая... Так ты ж сам говорил, что помощника хотел бы!

– Ты погляди на помощничка! Кожа да кости, мне в пояс дышит! Едва до груди достает! – донесся голос Хозяина. – Много с нее помощи будет? На нее дышать страшно! Кажись, вот-вот пополам сломается! Эх, жаль тебя девка...

И тут я почувствовала, как мою голову приподымают за подбородок.

– Вы гляньте, птенчик какой-то! – усмехнулся богатырь. – Одни глазища!

– С-с-спасите С-с-семен С-с-семеныча... П-п-пожалуйста-т-та... – прошептала я, заглядывая в глаза. – Я п-п-прошу вас... С-с-спасите его...

Мне показалось, что я заплакала. Говорили, мне одной лисой лучше не ходить. А тут пересменок. Но у зимы пересменка не бывает. Каждая минута на счету... А я – опытная... Думала справлюсь... И ведь почти справилась...

– Он же з-з-замерзнет насмерт-т-ть... – добавила я, чувствуя, как дрожат губы, а любая буква «т» превращается в плевательно-пулеметную очередь.

– Леший? Замерзнет? Насмерть? – в серых глазах стояло такое удивление, словно я глупость сморозила. – Вот в чем дело! Понял я. Ее леший в лес заманил. Небось, за старое взялся...

В этот момент густые брови сошлись на переносице. Только сейчас я заметила, как сверкает его шуба драгоценностями и взгляд чем-то очень нехорошим.

– Дык, он частенько человеком перекидывается, и заманивает! – встрепенулась волчица. – То кричит, помощи просит! То еще че удумает! А тут девка сердобольная попалась! Спасать, видимо, кинулась! И в прорубь угодила!

– Теперь и мне ее жаль. Ну, девица, посмотри вокруг, попрощайся с жизнью прежней... Будет зима тебе домом родным. Больше весны и лета не увидишь, – произнес богатырь, внимательно глядя на меня. – Будешь жить во дворце ледяном. Будут тебе песни петь выюги – метели. Или околеешь... Выбирай...

– Никогда весны не увижу? – всхлинула я. А я так любила весну и осень... Больше лета...

– Зато жива будешь, – слышался голос. – Но к людям ты не вернешься... Никогда...

– С-с-спасиб-б-бо, что с-с-согрели! – выдохнула я, слегка растягивая слова. – Но мне п-п-пора... Искать... Семена Семеновича-ча-ча...

Прямо фламенко жаркое: «ча-ча-ча!» получилось. Но у меня зуб на зуб не попадал.

Я отшатнулась и покачнулась, словно пьяная. Вокруг меня был только снег, деревья, огромный медведь, белая, припорошенная искрящимся снегом волчица и красавец – косая сажень в плечах в роскошных мехах.

Видимо, я все-таки переоценила свои силы, поэтому силы изменили мне. Сделав буквально три шага, я упала на мягкий девственный снег, устилающий бескрайние зимние просторы. Я лежала на нем, как на перине, глядя в зимнюю ночь.

– Сейчас... Немного полеж-ж-жу... С-с-силушек наб-б-берусь и п-п-пойду, – прошептала я, глотая огромные снежинки, падающие на лицо. – Не п-п-переживайте... Я с-с-справлюсь... П-п-просто отдохну немного...

– Никуда ты дойдешь, – послышался голос в завывании метели. – Выбирай. Или снегурочкой... Или смерть...

Мне почему-то ужасно не хотелось умирать... Хотя, я понимала, что в мокрой одежде в такую стужу, я никуда не дойду. Бедный Семен Семенович. Надеюсь, что ребята его найдут.

По щекам текли и тут же замерзали слезы. Мне все это показалось... И медведь, и волчица, и красавец в роскошной шубе... Все это – просто агония...

Стало вдруг так обидно! Столько всего не успела!

Моя рука поднялась, словно пытаюсь поймать летящие снежинки. Она тянулась в ночное небо. Я попыталась выговорить отчаянное: «Мама!», но смогла лишь чуть-чуть раздвинуть дрожащие губы. Последний взгляд в эту вселенную, где была такая совершенная красота и так много всего-всего, скользнул по белоснежным елям.

Я почувствовала, что моя рука не упала в снег. Мою руку поймали. Она, такая маленькая, хрупкая и озябшая лежала в огромной ручище, похожей на лапу медведя. Я попыталась сжать пальцы, но не смогла.

– З-з-значит, т-т-ты не с-с-сон, – прошептала я, видя, свою руку на огромной ладони.

Я закрыла глаза, как вдруг открыла их, чувствуя неожиданное прикосновение к своим губам.

Меня щекотала борода. В воздухе кружились снежинки. Мои замершие губы раздвигали поцелуем, словно выдыхая в них стужу. Мороз пробирал до кости, но губы казались такими мягкими и теплыми.

Вокруг нас поднялась и завертелась серебристая поземка, словно окутывая нас со всех сторон. Это было настолько красиво и удивительно, что я краем глаза смотрела на нее, поражаясь, как раньше не замечала эту красоту.

Я втягивала эту стужу, чувствуя, словно из меня вырываются последние остатки тепла.

От стужи внутри вдруг стало невыносимо страшно. В душе поднялась такая буря, что я даже забыла, как дышать. В один из моментов мне показалось, что я сойду с ума от мороза, пробежавшего по коже.

Но потом я поняла...

Под вой метели, под пение вьюги, на снежном покрывале этот поцелуй вдыхал в меня жизнь. И я схватилась за нее, жадно ловя чужие губы, из которой сочился холод. Одна моя рука вцепилась в чужую руку, сжала ее изо всех сил, а я подалась вперед, сама раздвигая чужие губы, словно выпрашивая еще капельку жизни.

Казалось, я слышу в поднявшейся метели музыку. Древнюю, первобытную, похожую на пение шаманов. Словно тысячи костров вспыхнули посреди заснеженной чащи, согревая и освещая это страшное таинство.

По щекам текли слезы, превращая в хрустальные льдинки. Мои озябшие руки цеплялись за густой мех чужих одежд, перебирали драгоценные камни. Я жадно ловила ледяное дыхание под завораживающую песню вьюги.

Мне было так стыдно, так страшно и так... сладко, что я никогда в жизни не забуду это упоительное мгновенье, эту вьюгу, эти яркие звезды зимней ночи и губы, убивающие меня поцелуем.

Это чувство, эти слезы, это бесконечное тепло было таким удивительным, что я перестала соображать. А потом все кончилось. Мир вокруг стал темным, а потом и вовсе исчез. Я провалилась в черную пустоту.

Снилось мне, как за мной по лесу гоняются три медведя, на ходу придумывая рецепты. Я петляла зайцем, как вдруг провалилась в сугроб и увязла в нем по самую шею.

– Ааааа! – закричала я, резко просыпаясь.

Когда я открыла глаза, я поняла. Это был сон. Сон, от которого до сих пор по коже бегали мурашки. Особенно, когда один медведь предложил другому заменить чеснок и укроп на лук и петрушку.

Я на мгновение открыла глаза и увидела вокруг сплошной лед.

– Показалось, – прошептала я, снова закрывая глаза.

Полежав немного, я снова открыла глаза, замирая от неожиданности. Мой взгляд уставился в белоснежно-голубоватую изморозь, на ледяные сосульки, которые угрожающе висели надо мной, словно вот-вот упадут. Я резко села, чувствуя, как по моей щеке и шее скользнул, словно погладил, мех.

Осмотревшись по сторонам, я поняла. Я лежала завернутую в чужую шубу. При ярком свете она казалась еще роскошней и красивей, сверкая драгоценной вышивкой и белоснежной меховой оторочкой и опушкой.

Не смотря на лед и снежные узоры мне не было холодно. Скорее, мне было вовсе не холодно.

– Ох, – выдохнула я, откидываясь на подушку. Так, стоп! Погодите!

Я повернулась и стала щупать ее. На ощупь она чем-то напоминала снег. Я задумчиво щупала ее, глядя на покрывало.

– Не замерзла, уже хорошо! – выдохнула я, скидывая с себя шубу. Комната была огромной, и казалось, сделанной из хрусталя. Даже кровать была хрустальной. Пол напоминал гололед, поэтому я сразу же схватилась за кровать, чтобы не поскользнуться.

– Это просто сон, – утешала себя, пытаюсь маленькими шажочками дойти до зеркала. Что-то, а зеркало здесь было целым трельяжем!

– Ой, – остановилась я, глядя на себя в зеркало. Я была бледной – бледной, прямо мраморной. Зато ни одного бугорка, прыщика или шрама! Прямо, как фарфоровая кукла, на которой кончилась краска.

Я посмотрела на свои руки. Если в прошлый раз я видела покрасневшие и обветренные сосиски, то сейчас пальцы были белыми-белыми.

– Чудеса, – насторожилась я, осторожно расстегивая промокшую куртку и скидывая ее на пол. Осмотревшись по сторонам, я приподняла сразу два теплых свитера, пытаюсь оценить, все ли там в порядке.

– Эм, – задумчиво произнесла я, глядя на такое же белоснежное тело без единого изъяна. Даже шрамик от аппендицита куда-то делся. Так, а если закатать выше? Или снять вовсе?

– Что ж ты худая-то такая? Кожа да кости! – послышался знакомый голос, а я резко дернула свитер обратно, делая вид, что всем показалось.

Из зеркала вышел медведь.

– Кто ж тебя так голодом морил? Кто ж тебе есть-то не давал! – послышался вздох. А следом за ним появилась волчица.

– Группа в соцсетях: «Как похудеть к лету!», – ответила я, натягивая свитер пониже. Я вспомнила поцелуй и слегка смутилась. Если звери настоящие, то ... Я закусила губу, вспоминая красивые глаза и огромную ладонь, сжимающую мою руку.

– Ну как тебе снегуркой – то быть? Чай не человеком! – спросил Буранушка, расхаживая вокруг меня.

– Что значит, снегуркой? – спросила я, присматриваясь к своему бледному лицу.

– Сама поймешь потом. Что тут говорить! – вздохнул медведь. – А мне ме-е-еду из-за тебя не дали! Липового!

– Но и на орехи не досталось, – усмехнулась волчица. – Ну что ж, снегурка, жена ты теперь...

Что? Где? Кто? Я? Когда?

– Чья? – осторожно спросила я, вспоминая могучую фигуру и огромную ручищу.

– Зюзи, – усмехнулся волчица.

Я вспомнила фигуру, вспомнила лицо, вспомнила тяжелый и суровый взгляд. «Зюзя, очень приятно!». «Зю-ю-ю-юзя!», – умилялось что-то пытаюсь сопоставить имя и личность. «Я сейчас Зюзю позову!», – можно пугать людей. Нет, ну кто его так называл? Где его родители – садисты! Нет, ну может, в детстве он был маленьким милым зюзиком, а выросла и вымахала целая Зюзябра! А по взгляду – полный Зюзец!

– Зю-ю-юзя... – со стоном выдыхала я. – За что? За что его так?

– Ты гляди, смеется, – переглянулось зверье. – А его Елиазар зовут! А Зюзя – это покороче будет...

– Елиазар... – прошептала я, вспоминая его. А имя ему подходит. Эх, прямо как богатыря! Елиазар... Мне казалось, что это имя перекачивается во рту словно снег по сугробам, а потом выдыхает морозом.

– И когда же у нас была... эм... свадьба? – спросила я, чувствуя себя подружкой, которая потом меня спрашивала, что я помню из ее свадьбы и по воспоминаниям восстанавливала ход событий. При условии, что она была невестой.

– А ты что? Не помнишь, как он из тебя жизнь вынул и стужу в тебя вдохнул? – удивилась волчица. – Вот с того момента ты и стала его женой...

– Как там на свадьбе... И я там был, мед пил... По усам текло, а те, кто на мед позарились, тем попало! Эх! Медку бы! – покачал головой Буран, пока я осмысливала все.

Теперь я понимаю, почему мужик так упирался! Там, оказывается, без свадьбы, ну никак! Но все-таки согласился... И тем самым спас мне жизнь...

– Ты там сильно губу не раскатывай, – послышался голос волчицы. – Это только до весны.

– Я что? Жена на зиму? С каких это пор у нас женятся на зиму? Что-то вроде прижмемся и перезимуем? Или вдвоем теплее? – возмутилась я такому раскладу. – Пусть вон лучше бы на батарее центрального отопления женится, если ему жена на зиму нужна!

Я даже представила батарею с фатой.

– Да все равно ты весной растаешь, – посмотрела мне в глаза волчица. – Все снегурки весною таят...

Глава пятая. Двенадцать месячных!

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Пресвятая Инквизиция

Плохие новости нужно уметь преподносить! Сначала нужно убедиться, что человеку есть куда падать в обморок. Дотащить матрас и положить по примерной траектории падения. И тут же готовить стаканчик с успокоительным.

– Еще раз? – напряглась я, планирующая прожить долгую и счастливую жизнь. – Я весной растаю?

– Все снегурочки весной тают, – проворчал медведь. – Как солнышко весеннее припечет, так и тают!

Я все еще отходила от новости, что жить мне осталось два с половиной месяца. В лучшем случае – три с половиной. А жизнь моя зависит от прогноза погоды. Не каждый день тебе такое сообщают!

– Каждую зиму Карачун брал себе невесту – снегурочку, – вздохнул Буранушка, плюхаясь на попу. – И каждую весну она таяла...

– Кто-о-о? – ужаснулась я, вспоминая красивые глаза и суровые черты лица. – Погодите, вот это был... Ка-ка-карачун? Тот самый, что насылает морозы и убивает людей?

Вот что за день! Мою детскую психику просто изрешетили плохими новостями!

Мамочки! Я осела на пол, делая глубокий вдох. Мне показалось, что от меня только что завелась очень плодовитая кошка с мяукающей коробкой и сам оформился кредит на два миллиона под залог почки. Но даже все это не могло сравниться с новостью, которой меня только что огорошили.

– Кто виноват, что люди сами в лес идут! – искренне удивился медведь. – А ведь нельзя! Запретил он! Сказал, кто в лес пойдет, того карачун обнимет!

Я смотрю, а у меня очень любвеобильный муж. Просто ходячие обнимашки. Ну, ничего, как вернется, я ему выскажу все за тех несчастных, что в лесу замерзли. И тех, которых я на носилках тащила, рыдая! А меня все утешали: «Маруся, не реви! Всех не спасешь!».

Вообще-то меня Мариной зовут, но мне так нравится, когда меня Марусяшкой называют. Не знаю почему!

– Мне есть, что ему высказать! – сжала я кулаки и прищурилась. – Осталось дожидаться радостной семейной встречи.

– Так долго ждать будешь! – проворчал медведь. – Он еще не скоро явится... Он на юга улетел на конях своих ледяных!

– А, может, и увидишь его никогда, – заметила волчица, расхаживая по комнате и наметая снег. Мне было вовсе не холодно. Хотя вокруг был и снег и лед. Странно, может, потому что я – Снегурочка?

– Но есть и хорошее! Мы спрашивали его, что с тобой делать! – заурчал медведь. – А он ответил. Вы ее притащили, вот и пусть делает, что хочет! Во дворце ледяном она теперь хозяйка.

Хозяйка, значит? Не жена, а что-то вроде... экономки, которая экономит нервы хозяина, сидя дома? Женился, обрек на короткую жизнь снегурочки, бросил на произвол судьбы, а сам умотал на юга!

«Ты на льдине, а он под пальмой!», – скрипнула я зубами.

– Тоже мне, медовый месяц! – злобненько проворчала я, глядя на серебристый иней, украшающий стены.

– Медо-о-овый месяц! – оживился Буранушка. – Вот бы мне медо-о-овый месяц...

– Да погоди ты со своим медом! – прорычала волчица. – Гляди, наша Снегурка что-то пригорюнилась! А тебе бы все меду и меду!

– Ты просто никогда его не едала! – обиделся мишка.

– А какие здесь залы! – перебила его Метелица, косясь на Бурана. – Каждый – просто загляденье! Не каждый человек видел такую красоту!

– Давай мы тебе сокровища покажем? Они все твои! Хозяин так приказал! И подарков тебе надарил! – проворчал Буран. – А хочешь видеть, откуда снег берется?

– Все что хочешь изо льда создать сможешь! – рассказывала о чем-то своем Метелица.

Я подошла к узкому окну. Оно было даже не застеклено. Над бескрайним заснеженным лесом стояли чудесные облака. Где-то в лесу завывали метели, тревожа снежные шапки на разлапистых древних елях.

На пару мгновений я залюбовалась красотой. Солнце то ли садилось, то ли наоборот. Поэтому деревья стали нежно – розовыми.

– Это все Карачун создал, – послышался голос Буранушки, который встал рядом. – Гляди, какая красотища! Век бы любовался! Странно, что у нас тут обычно зюзи воют да снегом порошит! А сегодня такую красоту создал!

И медведь почему-то посмотрел на меня.

Почему, когда он говорит «зюзи воют» я представляю маленьких мохнатых барабашек, который собрались кучкой и репетируют «Титаник»? А на дереве табличка «Хору зюзь требуется вокалист».

– Да, что-то Карачун расстарался, прям расстарался! – согласилась волчица. И тоже на меня посмотрела. – Давненько снег так не серебрился! Сколько лет уже и не помню!

В этот момент очарование красоты спало!

Так бы стояла и любовалась, если бы не знала, что где-то в этой зимней сказке всегда кто-то тихо замерзает. Блуждает по лесу, выбиваясь из сил...

– Так, – резко развернулась я, глядя на Метелицу и Бурана. – Могу делать, что хочу? Да?

– Да, – согласились волчица и медведь. – Что душеньке угодно!

– Значит так, – покачнулась я, держась за ледяной подоконник. Решение казалось тяжелым, но правильным. Почему бы потратить все, что мне отведено, на то, чтобы спасти людей от мужа! Бррр! Тем более, что холода я не чувствую! И это – несомненный плюс!

– С этого момента здесь располагается штаб по спасению людей из лесу! – твердо сказала я, немного гордясь собой. – Нам понадобятся! Снегоступы! Это раз!

– Она что? Людей из лесу выводить хочет? – переглянулись Буранушка и Метелица.

– Видимо, потому что она человеком недавно была! – прижала уши волчица, недоумевая. – Вот и про людей думает!

– А спонсором нашей организации является мой муж! Только он об этом не знает! Я умею делать две вещи! Выводить мужчин из себя и людей из лесу! – ядовито заметила я, прикидывая, что еще понадобится. – Итак, мне нужны волонтеры! Для начала система оповещения! Что-то вроде «человек в лесу»! Над этим мы подумаем!

– Ты куда? – удивились Метелица и Буран, когда я направилась к ледяному зеркалу – двери.

«Не называй его Карачуном при ней!», – послышались тихий рык волчицы. – «Видишь, как она его недолюбливает! Ты его лучше по имени зови!».

– Гляди, какие у тебя тут подарки от Елиазара! Да ты только погляди! Ни у одной девицы таких нет! – проорчал медведь, показывая лапой вокруг.

Только сейчас я увидела сверкающие серебром ларцы. И что мне с ними делать? Ладно, придумаем! Сейчас главное – правильно организовать работу!

– Фиг с ними! – решительно направилась я зеркалу. – Мне нужна будет теплая одежда, звуковой сигнал и средство передвижения! Потом мы составим карту леса, гиблых мест... Работы – не на один год!

«А года у нас как раз и нет!», – стиснула зубы я, вспоминая слова волчицы.

– Ничего, справимся! – твердо сказала я.

Планы развернулись настолько, что я уже видела, как работает штаб по спасению не покладая мохнатых лап!

– Если Карачун узнает, то тебе несдобровать! – проворчал Буранушка.

– Буранушка! Я же просила! – рявкнула Метелица.

– И нам с тобой заодно! Не любит Елиазар, когда я людей из лесу выкатываю! Говорит, сами виноваты, пусть замерзают! Чтобы другим неповадно было по лесу зимой шастать! – пояснил медведь.

– Правда-правда! – согласилась волчица.

– Да вы же сами из лесу выкатываете! – с укором произнесла я. – А Карачун ваш ничего не узнает! Если мы все правильно сделаем, то никто ничего не узнает!

– Ой, себя погубишь и нас заодно! – завывала волчица.

– Погодите! – прислушалась я, различая среди воя метели крики птиц. Я тут же бросилась к окну. – Что там такое?

– Видать, человек забрел! Птиц растревожил! – проворчал Буранушка, тоже выглядывая в окно. – Пошутили и хватит! Мы с Метелицей сходим, посмотрим, что там. А ты тут оставайся! Подарки меряй!

– Что?! – возмутилась я, с тревогой всматриваясь в лес. – Нет, нет, нет! Пусть сам сидит и подарки рассматривает! Если это – человек, мы обязаны его спасти и отогреть! Несите одежду, какая есть!

Буран с волчицей исчезли, а потом притащили ворох одежды.

– Она что? Вся из снега? – удивилась я, глядя на платья, расшитые драгоценностями. – Здесь есть что-нибудь теплое! Шуба? Настоящая! Эх, ладно!

Я стала снимать с себя свитера, куртку, штаны и зимние ботинки. Хорошо, что у меня с собой была! Мне уже не пригодиться, а вот кому-то она будет очень нужна!

– Ой, смотреть не могу, – выли звери. – Аж ребра выпирают! Как веточка! Как пруттик!

– Да какие ребра? – удивилась я, осматривая себя. – Вон, глядите, какие запасики у меня тут на зиму!

Я собрала кожу на бочке, показывая бесячую складочку.

– Как березка тонкая, – завыл даже Буран. Словно эхом что-то завывало за окном. – Совсем опилочка!

– Да ладно вам! – буркнула я, пытаюсь найти, где перед, а где зад у снежного платья. О, нашла! Платье скользнуло мне, и я поняла, что в нем еще место в аренду сдавать можно! Заглянув в вырез и увидев свои тонкие ноги, я прикинула, что тут целый цирк разместить можно. Хотя, акробаты между ног – это последнее, что меня сейчас интересует!

– Гляди-ка! Прямо похорошела! – переглянулись Буран и Метелица. – Еще бы косу ей! Так вообще бы красавица – раскрасавица!

Один комплект одежды у нас был! Надо же с чего-то начинать?

Натянув поверх платья чужую шубу, я стала расхаживать по комнате.

– Теплая одежда, чтобы отогреть потеряшку, звуковой сигнал, чтобы люди на звук шли, и то, на чем я могу ездить по сугробам, – закусил губу я, искоса видя свое отражение в зеркале. – Только быстрее! Умоляю! А то там кто-то насмерть замерзнет!

Я стянула снежное покрывало, собирая одежду. Получился мешок. Начало положено!

– Сейчас все сделаем! – переглянулись волчица и медведь.

Через пять минут на мне появилась огромная шапка – ушанка, а в руках балалайка.

– Хорошая шапка! Добротная! Мужик один потерял, – порадовал меня Буранушка. – Я за ним, мол, шапку забери, уши отморозишь! Пол леса за ним бежал! Аж до самой деревни по сугробам. Видать, подарить мне решил. Понравился чем-то я ему! Приглянулся! Раз он ее мне бросил и тут же деру дал! Скромный такой, обратно подарок не забирал!

Я ошупала ушанку, понимая, что шапка действительно теплая и добротная.

О Ее издали видно! Сразу заметишь. А балалайка, чтобы слышали, что играет кто-то! Они балалайку любят! Ну, садись на меня! Поедем спасать! – проворчал Буранушка.

Я уселась на Бурана, чувствуя, что спасать потеряшку придется уже от нас! Сидит бледная девка в ушанке на медведе, неумело тренькает на балалайке. А сзади мешок телепается. Мне показалось, что это не самая хорошая идея, но Бурана уже понесло.

Ледяные коридоры сменяли друг друга, пока я нервничала. Я всегда нервничаю, что слишком медленно! Тут каждая секунда на счету!

– А Метелица где? – спросила я, когда мы врезались в девственный сугроб. Ушанка чуть не слетела с меня, а я еле удержала ее.

– Вперед побежала! Она по сугробам быстро бегает! – прокряхтел Буран, прыгая в сугробе. – Сейчас все узнает, и расскажет!

Только сейчас я поняла, для чего мне нужна балалайка!

– Бдем! – отбила я одну ветку балалайкой.

– Трень! – отбила вторую, дернув головой вовремя в сторону.

– Видала! Видала! – послышался голос Метелицы. Она легко бежала, едва касаясь снега лапами. За ней стелился снежный хвост. – Девка с корзиной возле гиблой ели раздевается и с кем-то разговаривает!

Глава шестая. Оперуполномоченная мачеха

Скромная девушка плакала и ждала, когда ее позовут замуж.

Поэтому никак не собиралась отзываться на «ау!»

и два раза пряталась от вертолета.

– Буранушка быстрее! – умоляла я, глядя медвежьей бока. «Треньк!», – отбивалась от заснеженных ветвей моя «гитара для начинающих».

Быть снегурочкой в мои планы не входило. Но пришлось слегка раздвинуть планы, чтобы вошло. «А может все-таки одноглазой?», – намекали густые ветки, целясь мне в лицо. «Бала-лайку тебе!», – возмущалась я. И тут же выполняла обещание, стряхивая с ветвей пушистые шапки снега.

Буранушка торопился изо всех сил. Он как бы набрасывался на каждый сугроб, разбивая его своими мощными лапами. Лес был очень густой! Почти непроходимый! Я впервые видела такие дебри,

– Ага! Щас! – сплюнула я растрепавшиеся волосы. – Я что зря семь лет оттарабанила в музыкальной школе по классу скрипки? Чтобы какая-то ветка пыталась поиграть в офталь-молога?

– Это была хорошая попытка, – увернулась я, чувствуя, как ветка прошлась по моему лицу.

Каждая ветка пыталась проверить мое зрение и тут же сделать операцию по удалению «плохо разглядевшего ее» глазика.

– Ау! – кричала я, слыша, как мой голос уносит метель. – Ау! Ау!

Буранушка упорным трактором расчищал дорогу, пока я высматривала несчастную потеряшку.

– А здесь медведи водятся? – спросила я у Буранушки, когда мы миновали густой ельник.

– Водятся, но только друг с другом! С другим зверьем они не водятся! – послышался запыхавшийся голос Бурана.

– Сюда! – кричала легконогая волчица, вылетай из-за елок. Ее снежный хвост огибал могучие стволы древних елей.

Буранушка подналег, ворча на все лады. Я пыталась удержаться на медведе, вцепившись в его густую и жесткую шерсть.

Из-за густого ельника показалась полянка с огромной даже по меркам древнего леса елкой. Чириканье и стрекотание птиц стало громче. С ветки слетела сорока, пролетев прямо перед моим лицом.

Я прислушалась.

Раньше для меня это обычное чириканье. Так сказать, ничего не значащий фоновый шум. Но сейчас это были осмысленные фразы. Стайка воробьев сидела на сугробе. Стоило кому-то крикнуть: «Человек!», как это подхватывали другие птичьи голоса, сливаясь в один гомон.

– Человек!

– Че вовек! Чемонек!

– Чучубек! Чебучек! Черевек!

– Дровосек!

Мне показалось, что среди птичьих голосов я расслышала даже нечто отдаленно похожее на интимные пристрастия дровосека и любовь к чебурекам. В гомоне все слова сливались воедино, как вдруг все чей-то воробьино – истеричный голос заорал громко и отчетливо:

– Сме-е-е-ерть!!!

В этот момент воробьи притихли и вспорхнули с сугроба.

– Где?! – обалдела я, вертя головой. Воробьи тут же пересели на соседний сугроб.

– Рядом! Гадом! Садам! Каким садом! Что рядом! Градом!

Опять их крики слились в неразличимый гомон.

– Сме-е-ерть!!! – истерично заорал кто-то из них, как бы подытожив игру в испорченный телефон. Они снова вспорхнули и отлетели подальше.

– Идиоты! Идиоты! – перекрикивался кто-то из заснеженных ветвей.

– Ага, Ага! – соглашался уже другой птичий голос. – Угу! Угу!

Это казалось таким удивительным, что я на секунду заслушалась. Иногда я думала, плохо, что с птичками умеют общаться только героини мультиков. А вот сейчас понимаю, что у меня это тоже неплохо получается!

– Там она! – крикнула Метелица, ведя нас к огромной ели. Только сейчас я увидела сначала брошенную в снегу корзинку, а потом и саму потеряшку.

В заснеженном лесу возле огромной заснеженной ели стояла девушка. На ней был коричневый тулуп, валенки и еще один платок, обмотавший тулуп сверху.

– Ой, жарко у вас тут! Ну что ж! Посидела я, отогрелась! Благодарствую, братья – месяцы!

– слышался ее голос. – Иначе бы в лесу совсем пропала! Вон какую вьюгу Карачун наслал! А у костра тепло!

Девушка стояла ко мне спиной. Я видела только толстую растрёпанную косу.

– От костра такой жар идет! А меня мачеха за подснежниками послала и сказала, что без них не возвращаться! Где же я их зимой найду?

Никакого костра не было. Зато был заснеженный куст.

Девушка медленно стаскивала с себя платок. Варежки уже валялись на снегу. Девушка протянула руки вперед, словно отогревая их. Вокруг нее стелилась поземка, завывала метель, осыпался снег с ели, зато на бледном лице с посиневшими губами была улыбка.

Девушка уже опустила платок на снег.

– О! Неужели! Братец Март, ты это сделал? – удивилась она, стоя посреди вытоптанного сугроба. Она подняла голову, словно рассматривая ель. – Ну и жарко же! Видать Март теплым будет! Смотрите! Снег тает! А под снегом... О! Подснежники!

Она хрипло рассмеялась, осматривая сугроб по сторонам. Стащив с себя шубу, девушка принялась шарить по сугробу руками, словно что-то роет.

– О, сколько их тут! Подснежников! – обрадовался голос, пока я осторожно слезала с Бурана. – Ты погляди! Под каждым кустом! А какие красивые! Ой, спасибо вам, добрые месяцы!

– И вот так всегда, – послышался вздох Буранушки.

Я опомнилась и слетела с него, пробираясь к стриптизерше, которую не заказывала. Она все еще стояла почти по пояс в снегу, что-то пытаясь вырыть...

С недавних пор приватизированная мною шуба стелилась по сугробам, пока я с удивлением обнаружила, что не проваливаюсь по пояс, как раньше. Слово сам снег выталкивает меня.

– О, братец Апрель, – послышался охрипший голос девицы.

–Эй! – крикнула я, пытаясь до нее добраться раньше, чем смерть.

Девушка меня не слышала, но она уже стала снимать с себя что-то похожее на старое платье.

– О, братец Апрель! Братец Май! Братец Июнь!

– Неужели там кто-то настолько симпатичный? – спросила я, глядя на снежную пустоту под елью. – Тебя мама разве не учила, что раздеваться перед двенадцатью мужиками приличная девушка может только в случае, если это медицинский консилиум! А ну быстро тулуп обратно!

Я уже подобрала с сугроба тулуп, отряхнув его от снега. Еще немного подобраться и ...

– Так, все, стриптиз окончен, господа двенадцать месяцев! У нас двенадцать месячных, так что кина не будет! – рявкнула я в сторону елки, пытаюсь натянуть на девицу платье. – Иди сюда!

– Целую корзину набрала! – слышался голос девицы, пока я натянув на нее платье, стала натягивать на нее свою куртку, а сверху тулуп.

– Милая, зачем тебе до трусов раздеваться? Представляешь, сколько... эм... подснежников еще в шубу поместится? Так, дорогие месяцы, скидываемся девочке подснежниками и прощаемся! – усмехнулась я, дрожащими от переживания руками, пытаюсь запихнуть девушку в тулуп. Но она сопротивлялась, вырывалась! Скажу больше! Она даже попыталась убежать!

– Какой же ты красивый, братец Апрель! – кричала девушка, пока я пыталась засунуть ее руку в рукав.

– Где? Где Сопрель? – заметила я, просовывая озябшую руку в тулуп. – Ой! Ты его со стороны видела? Так себе! Уверенный среднячок! Ты сама подумай, сколько соплей в таком носу поместится? И вот зачем тебе сопливый муж? Другое дело Жарюль! Ты гляди какой жаркий мужик! Я бы даже сказала, что Июль у нас – знойный красавец! Так, руку сюда! Кому говорю!

Я кутала озябшую красавицу и пыталась оттащить от «костра» и «двенадцати мужиков».

– Братец Февраль! Спасибо, что уступил право братцу своему! – сипло орала девица, дергаясь изо всех сил!

– Ты там смотри, високосный он или как? – уворачивалась я от хаотичных ударов руками. – С хвостиком или без? Потому что не високосный Февраль без хвостика нам не интересен!

Надо прекращать этот разврат!

Укутав ее своей шубой, я изо всех сил волокла ее по сугробам к застывшим Буранушке и Метелице.

– Я вернусь, мои дорогие месяцы! – кричала красавица хриплым голосом, пока я изо всех сил перла ее на себе. Мы были в разных весовых категориях. Ничего себе – бедная сиротка! А весит, как не бедная сиротка! Что уж говорить про дочку мачехи. Мне кажется, я ее из лесу не вытащу. Тут сани нужны и вездеход с повышенной проходимостью!

– Буду ждать вас! – сипло кричала девица, пока я дотащила ее до Бурана. В моей шубе она начала постепенно отогреваться.

– Ты недолго ее в шубе держи! А не то, помрет! – послышался голос Бурана. – Шуба, хоть и греет, но помереть может!

– Да помолчи ты! – рявкнула волчица. – Сейчас девку напугаешь! Скажет, что медведь говорящий!

– Ух! – выдохнула я, не видя привычного пара изо рта.

– Ой, ой, – послышался странный голос. – Холодно-то как...

– Терпи! Сейчас тебя в деревню потащим! – осмотрелась я, глядя на то, как губы бледнеют. – Кто такая?

– Настенька, – выдохнул пар. – А где двенадцать месяцев?

– Где-где? В календаре! – заметила я, постепенно растирая ее лицо варежкой.

– А ты кто? – спросил сиплый голос, пока я пыталась восстановить кровоток.

– Я? – задумалась я, переходя к рукам. Девица чуток порозовела. Уже хорошо! – Ты разве не знала, что между тридцатым первым декабря и седьмым января есть еще один месяц Бухабрь? Декабрь, Бухабрь, Январь, Февраль... Я их сестрица! Бухабрь!

В себя пришла, уже лучше! Успели! Главное, теперь ее обратно живой донести!

– Не слыхала про такой, – послышался озябший шепот.

– Куда?! – рявкнула я, когда она попыталась раздеться. – Ноги сюда давай!

Я стянула валенки и тряпки и стала изо всех сил растирать ее ноги под шубой.

– Теперь слышала, – проворчала я, понимая, что главное – не переборщить с шубой. – Что в лесу делала?

– Ма-ма-мачеха за подснежниками п-п-послала... – слышался слабенький голос.

– У тебя что? Мачеха оперуполномоченным работает? Вас на расставяший труп вызвали? – спросила я, глядя на бледное лицо и трясущиеся губы. – Тоже мне, девушка по вызову! Тоже мне опергруппа Настенька выехала в лес собирать тех, кто однажды в багажник пролез! А потом его в лесу по весне нашли! Как снежок сошел, так сразу проклюнулись на радость судмедэкспертам и собачникам, которые их увидели первыми! Ну послала, так послала! А ты чего поперлась?

– Так ведь, лютая у меня ма-ма-мачеха, – простонала девица. – Свою дочку любит, а меня со свету сжить х-х-хочет!

– И ты ей всеми силами пытаешься помочь! Я поняла, – выдохнула я, затаскивая красавицу на Бурана.

– А куда мне де-де-деваться-то? – суксилась девица, пытаясь заплакать. – Батюшка помер, а я одна на свете, как перст осталась... А замуж меня не бе-бе-берут! Приданого за мной не-не-нету! Мачеха ни соломинки не д-д-даст! А т-т-так бы вышла за первого встречного, чтобы мачеху не в-в-видеть!

А потом говорят, что нам, девушкам, от мужиков только деньги и нужны!

Где бы ей приданого взять, чтобы мачеха от нее отвязалась?

И тут я вспомнила про ларцы, что стояли в ледяном замке.

Нет, а почему бы не помочь девочке? Иначе она у нас тут будет постоянным гостем!

– Буранушка, к замку давай, а потом в деревню! – попросила я, погладив мишку. – Сейчас мы тут заедем в одно место, Настенька... Мне по делам сбегать надо будет! А ты в ... эм... Шубере посидишь!

Такси «Шубер». Доставляем в деревню из дремучего леса!

Глава седьмая. Бухабрь

Улыбайся чаще! И чаще начнет улыбаться тебе.

– Только никуда не уходи, ладно? – проверила я замерзающую красавицу. – Сиди тут! Я быстро!

Среди елей показались ледяные чертоги. Я быстро слетела с медведя, забегая в огромные, открывшиеся передо мной ворота. Через пять минут я тащила тяжелый ларец. Если честно, то я схватила первый попавшийся. И даже не удосужилась в него заглянуть!

– Вот, приданное, – погрузила я на Буранушку. «Потерпи, хороший мой, потерпи!», – обняла я медведя за шею.

– Ой, спасибо тебе де-де-девица, – послышался голос Настеньки. – Век не забуд-д-ду!

– Проживи сначала столько, – буркнула я, придерживая и ее, и приданое. – Что в ларце – не знаю. Честно, не смотрела! Пусть будет для тебя что-то вроде киндер – сюрприза!

– Ладно говорите, да не понят-т-тно, – протянула красавица, а я поняла, что с шубой пора завязывать. Сняв с нее шубу, я смотрела, как она трясется и требует ее обратно. – Без п-п-подснежников меня м-м-мачеха на п-п-порог не п-п-пустит! Даже с-с-согреться не д-д-даст! Она м-м-меня осенью за земляничкой п-п-посылала уже! Нас-с-силу выб-б-бралась! Д-д-добрый дед-д-душка из лесу вывел и з-з-земляники д-д-дал!

– Отличный дедушка, – держала я ее, пока мы двигались по лесу. – Ты рассказывай, рассказывай.

– Л-л-летом мачеха м-м-меня в л-л-лес за яг-г-гелем послала, – продолжала Настенька, пока я вспоминала мох под снегом, который едят олени.

– Она у тебя случайно не беременна? – спросила я, с некоторым подозрением.

– Х-х-холодно мне! Д-д-дайте шубоньку согреться! – взмолилась Настенька. И протянула ко мне рученьки.

– Сейчас уже деревня. Скоро-скоро. Тебя с такими приданным целая очередь из мужиков выстроится тебя отогреть, – успокоила я, хватая ее за руки. – Смотри, ты сейчас возвращаешься домой. Показываешь в деревне ларец. Выстроится очередь мужиков. Из них выбирай самого симпатичного, неженатого и непьющего. Это важно! С избой, желательно! И, прощай, мачеха! Поняла меня?

– Мне один н-н-нравится па-па-парень, – созналась Настенька. – Егорушкой зовут-т-т! Пустите погреться!

– Не пуцу! Помрешь, – выдохнула я, пока волчица вела нас по лесу, показывая дорогу. Даже метели стихли. Ни ветерка! Ничего!

– Т-т-только он с М-м-матроной гуляет-т-т, – рассказывала Настенька. – Ж-ж-жениться на ней собирался!

Я из любопытства заглянула в ларец, видя поверх серебра нитку жемчуга и перстень.

– Я бы так не сказала, конечно, – заметила я, прикидывая, сколько в ларце украшений и поглядывая на Настеньку. – Что прямо жениться... Я бы даже сказала, что у них отношения на ладан дышат... Я тебе серьезно говорю!

– Сколько до леса... Ой, до деревни? – спросила я тихо у Буранушки.

– Еще две версты, – проворчал он тихо. – Дымок уже виден!

– Их любви еще версты две осталось, – усмехнулась я, придерживая и ларец и Настеньку. – Ну, может, две с половиной!

Деревня показалась внезапно. Если честно, то я ожидала увидеть большее. Три десятка занесенных снегом домишек, из которых в небо тянулись дымки.

– Не ходи в деревню! Нельзя тебе! – послышалось ворчание Бурана.

– Прощаться будем, Настенька! Удачи тебе! – вздохнула я, вручая ей ларец и отряхивая девицу от снега. – Дорогу знаешь, сама дойдешь!

– Ой, спасибо тебе, Бухабрюшка, – поклонилась в пояс Настенька. – Благодарствую тебя за все!

– Все, все, все! Иди, иди! – намекала я.

– Век буду помнить доброту твою! – нараспев затянула Настенька. – Век не забуду! И то, как приданое мне дала... И то, как ...

– Да иди уже! – рявкнула я, видя, что мне шестой раз в пояс кланяются.

– ... и детям своим расскажу, и внукам, – кланялась Настенька. – И век благодарить буду за щедрость твою!

– Дома мед есть? Если есть, тащи сюда! – потребовала я. Здесь оставишь! Вот и вся благодарность! – заметила я, глядя на мой снегоход «Буран».

– И кишочков, – провыла метелью волчица.

Я хитро улыбнулась, слыша ворчание Бурана: «Нет, чтобы просто выкатить, так она с ней, как панькалась!». Ничего – ничего, сейчас, если все нормально будет, Карачун лишиться двух верных слуг.

– Как домой доберусь, принесу медочку и кишочков! – снова раскланялась Настенька.

– Буранушка, рявкни на нее, чтобы быстрее домой бежала! – попросила я медведя, спрятавшегося в кустах.

– Домой иди, дуреха! – рявкнул Буран, вылетая из кустов и прерывая поток вежливости. Глаза Настеньки сделались круглыми – круглыми. Она дико завизжала.

– Ааааа! Медведь!!! – завопила Настенька и стремглав в деревню бросилась. – Помогите! Спасите!

– Вот так я их и отогреваю, – произнес Буран. – Да, Метелица? Как думаешь, принесет девка меду?

– Не знаю, – заметила волчица, садясь рядом. – Люди, они не очень благодарные.

– Раньше нас Карачун кормил! Или сами, что найдем, когда он улетал куда-нибудь с морозами! – проворчал Буранушка. – Давайте решим как. Ежели девка обещание исполнит, то и дальше будем выводить из лесу... А ежели нет, то по старинке как-нибудь.

Дымки тянулись в небо. Оно затянулось мглой, похожей на туман. В этом белом молочном мареве, казалось, что над заснеженной деревней стоит настоящий туман.

– Вот и справились, – выдохнула я, глядя на дымки и избушки. – А почему мне к людям нельзя?

– От домашнего очага растаешь ты, – проворчал Буранушка, пока я обнимала его: «Ты – молодец!».

– Молодец-не молодец, а ме-е-еду бы! – попросил Буранушка. – Но что-то не несет!

Да, и правда! Плохо получается! Я тут значит ей отсыпала госбюджет голодающей страны, а она мед зажала!

– Пойдем, – проворчал Буранушка. – Вот и верь после этого людям!

– Твоя правда! – согласилась волчица. Они уже повернулись в сторону леса, как вдруг я увидела силуэт, что пробирается к нам.

– Неужто? – удивилась Метелица, выглядывая силуэт. Проминая сугробы спешила раскрасневшаяся Настенька.

– Прячьтесь, – прошептала я, показывая на белые кусты. – Иначе спугнете ужин!

Мы затаились за кустами, пока Настенька ставила горшок и раскрывала, какую-то тряпку. Она осмотрелась, а я увидела у нее в ушах тяжелые серьги. Нет, мне было вовсе не жалко! Пусть хоть ей счастье будет! Мне от Карачуна подарки не нужны! Хватит с меня и того, что я находила их под елочкой, замерших насмерть!

– Ме-е-ед! – простонал Буранушка, бросаясь к горшку. – Липовый... Липовый...

– Да нет, оригинальный, – усмехнулась я, глядя на то, волчица разрывает тряпку. Я смотрела на деревню, на лес, слыша чириканье птиц.

– Была твоя шуба, стала моя, – усмехнулась я, сбивая рукой снег с ветки. – Были твои слуги, стали волонтеры! Ничего-ничего! Я тут развернусь!

– Ох, и вкусный же мед! Жаль, что ма-а-ало, – проворчал Буран, лапой проверяя горшок.

– И потрошка отменные, – слышался голос волчицы.

– Мне нравится людей спасать! – согласился Буран, отряхивая шкуру от снега. – Хорошее это дело! Вкусное!

– Так, иди сюда, – приманивала я воробьев, которые скакали по заиндевелым веткам. – Мне помощь нужна! Хотите кушать?

В этот момент на меня налетела целая стая

– Хотим! Хотим! Хотим! – верещали они, пока я отмахивалась от них, как от таежного гнуса. – Хотим! Тим-тим!

– Тогда слушайте. Если в лесу человек попадет, сразу в ледяной дворец летите! Понятно! И другим передайте! Говорите четко кто, сколько, где находится! Понятно? – спросила я, когда они успокоились.

– Человек-дровосек- посушек! – налетели они на меня с чириканьем, пока я прятала лицо. – Чемочек!

– Согласны! – чирикнул басом один воробей. Я всегда была уверена, что в стае есть кто-то вменяемый. Но вычислить его пока не могла.

– Так, с воробьями мы договорились! – обрадовалась я, прикидывая, с кем бы еще договориться. Помощь с воздуха мне не помешает!

– Ку-ку! – слышалось грустное неподалеку. Стоило мне подойти «ку-ку» замолкло.

– Ой, да что ты врешь! – возмутилась я, нервно сглатывая при мысли о том, сколько мне осталось. – Мне еще тут минимум три месяца осталось жить! И это по самым оптимистичным прогнозам синоптиков! Слышишь меня?

– Ку-ку! – ответила мне кукушка. – Ку-куда уж не слышать!

– Есть хочешь? Значит, если видишь человека в лесу, сообщать в штаб. В ледяной дворец. И остальным скажи! – потребовала я, пытаясь найти ее в ветвях.

– Ку-кунечно! – кукушка слетела с ветки. Я даже толком ее не разглядела. Серенькое что-то.

Где-то в лесу раздавался стук дятла.

– Дорогой, если видишь человека – стучи во дворец, – усмехнулась я, поглядывая по сторонам. Может, еще кто хочет добровольно – принудительно вступить в ряды нашей организации? Ничего, найдем.

– Пора домой возвращаться! – зевнул Буран.

– Никукуя не вижу! Никукуя не вижу! – слышалось вдалеке. И тут же голоса разделились. – И у меня не кукуя!

Мы возвращались во дворец. Огромные сугробы казались мягкими подушками и пери-нами.

– Никукуя нет! – слышались далекие голоса, пока я улыбалась. Шуба волочилась по сугробам, но я была очень рада, что за такой короткий срок сумела сделать так много! Ничего, Карачун снегурочку запомнит!

Во дворце работы было много!

– Там чудеса, – закусила я губу, сидя на ледяном полу над огромной, собственноручно нарисованной картой. – Там леший бродит...

Я показала на очерченный сектор леса, внимательно запоминая все, что говорят мне Метелица и Буран. Работа кипела, а я сидела и хрумкала снежки на серебряном блюде.

– Так, с этим мы разобрались! – выдохнула я, одергивая шубу. – Значит, у нас тут, на неведомых дорожках следы невиданных зверей... Еще одно гиблое место обводим! Итого, у нас тут почти весь лес ... гиблый! Ничего! Главное, что карта есть, поддержка с воздуха есть... Эх! Спать охота!

Я чувствовала, что валюсь с ног от усталости. Кое-как я добрела до кровати, пожелала спокойной ночи волонтерам и завалилась спать.

Утром я проснулась от того, что меня атакуют! На меня налетела целая стая воробьев.

– Человек! Чив-чивчовек! Чивовек! Чивалек! – наперебой кричали они, облепив, как работницу хладокомбината.

– Много! – басом закончил один воробей в воцарившейся тишине. Стая упорхнула.

«На кукуя ты в лес поперся?», – слышались голоса кукушек, когда я бросилась к окну! Мне показалось, или весь лес гудит?

– Беда! Беда! – послышался голос Буранушки. Он вломился в мои покои, а следом за ним вбежала метель. – Теперь каждый в деревне свою девицу в лес отправил! За приданным!

– Караул! – осела я, хватаясь за голову. – Нет, ну надо же! Так, без паники! Это называется сезон! Сейчас будем выводить!

– Елиазар сюда летит, – послышался голос волчицы. – Прознал, все-таки!

Глава восьмая. Снегурочка

*Ах ты, бедная моя, Снегурочка!
Посмотри, как исхудала фигурочка!*

Я сама почувствовала, как лес начал холодеть. Все вокруг замерзло, словно сковываясь льдами. Мороз аж потрескивал в воздухе. Морозные узоры расплзались по стенам и полу, а на улице злобно завыл ветер.

– Ох, и зол он! Чувешь? – испуганно переглянулись Буран и Метелица. – Слышишь, как мороз трещит! Как ветер завывает?

И правда! На лес, словно тень легла. Тучи напоззли откуда не ждали, и теперь вместо яркого, зимнего солнца, вокруг был серый мрак.

– Так! Чего мы сидим! Прячем все! – опомнилась я, сгребая всю найденную по замку теплую одежду под кровать. Огромная карта на снежно-белом листе была прикрыта простыней.

Все улики были спрятаны, как вдруг послышались тяжелые шаги.

– Что здесь происходит? – в мои покои ворвался лютый холод. – Это что еще за новости? Почему вся деревня в лесу ходит, какой-то Бухабрь ищут? Я запрещал им в лес! Неужто мое слово не указ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.